

Восток и Запад в одном лице

Б.Даваасурэн (МУИС)

Можно с уверенностью сказать, что на нашей Планете не существует ни одной нации и культуры, которая зародилась и существовала или существует до сих пор самостоятельно и, которая не подвергалась влиянию общечеловеческой культуры. Как мы знаем, по истечении времени одно правление внутри любых государств менялось другими, тем самым, внося свои изменения в культурную, бытовую, духовную, материальную жизнь того народа или нации, что, естественно, сильно сказывалось на их мировоззрении и мышлении. Только благодаря этому закону и формируются особенности и различия наций, народов. Но при этом, конечно, нельзя забывать о том, что все те новшества, которые были когда-то заимствованы или приняты, ассимилируются, а порой искажаются, чтобы гармонизировали и соответствовали культуре, мировоззрению того народа, который принимает эти новшества (например: все те заимствованные слова, у которых искажены произношения по фонетическим законам, того языка, который заимствует эти словоформы, как ст. монг. *burkhan* от санск. *buddkha*; ст. монг. *biija* от кит. *baoji* и т.д. Или же одеяния монгольских монахов, заимствованные вместе с буддизмом у тибетцев, но измененные в свою очередь монголами в соответствии с резко-континентальным климатом Монголии и т.д.). Значит, на протяжении многих тысяч лет народы, жившие по соседству, не только враждовали, но и, конечно, было время добрососедского взаимоотношения и взаимовлияния. С этой позиции судьба России и ее взаимоотношения с такими постоянными соседями как Монголия и Китай, вызывали и должны вызывать большой интерес не только к какой-либо одной определенной отрасли или направлению науки. В то же время этот вопрос поневоле затрагивает и другие науки, такие как этнография, литература, филология, фольклористика, религиоведение, философия и т.д. Своеобразная способность России быть Западом, но и в то же время Востоком и наоборот, даже можно сказать качество своеобразной эластичности политики и мышления, способствовали ее существованию в согласии с восточными соседями. Хотя их история и была отмечена взаимной враждой, однако данная вражда не носила постоянного характера (для сравнения возьмите историю, таких соседствующих стран, как Ирландия и Англия, Израиль и Палестина и другие).

Тогда в чем же состоит эта своеобразная способность России? В первую очередь-это умение воспринимать философию и мышление, присущее восточным народам, т.е. философия и мышление, у которых формулируется понятием «арга билиг» у монголов, «инь янь» у китайцев. Если буквально перевести это понятие на русский язык, то оно будет означать «движение и состояние покоя». Значит, в самом корне культуры России должно быть заложено что-то соприкасающееся с Востоком, которое и должно быть отражено в ранних письменных источниках как сказки, легенды, пословицы, благопожелания и т.д. Но так как данный вопрос неразрешим в пределах данной статьи, в какой-то мере ограняем недостаточно знанием её автора, т.о. мы хотели бы здесь обойтись лишь сопоставлением конструкций предложений русского и монгольского языков. С одной стороны, как основываясь на выше сказанном, а с другой подтверждая высказанную нами мысль. Итак, конструкция простого предложения индоевропейских языков, как мы знаем, состоит в том, что сказуемое всегда следует за

субъектом, а определение за сказуемым. Иначе говоря, она выглядит следующим образом: SVO, например: русс. «Я читаю книгу», англ. «I'm reading a book». Тогда как структура предложения алтайской группы языков выглядят как SOV, где сказуемое всегда стоит в конце предложения. Например: монг. «Би ном уншиж байна», япон. «*Watashi wa hon o yonde imas*». Но среди индоевропейских языков только предложение русского языка может приобрести конструкцию алтайских групп языков, т.е. SOV. Например: русс. «Я читаю книгу» (SVO) сравните с русс. «Я книгу читаю» (SOV) и монг. «Би ном уншиж байна» (SOV). Тогда как другие языки индоевропейской группы имеют только конструкцию SVO, SOV же никогда.

Однако есть и такие языковые явления (конечно кроме флективного строя русского языка и агглютинативного монгольского языка), которые присущи либо только русскому языку, входящему в индоевропейскую группу или присуще только монгольскому (или вообще алтайскому группе языков). Например, структура предложения индоевропейских языков строится по принципу перехода от наименьшего объекта к наибольшему, т.е. по нарастанию как русс. «Скотовод 2-ой бригады сомона Богд Баянхонгорского аймака Монголии», где словоформа «скотовод» самый наименьший объект по отношению к слову «Монголия». Тогда как в алтайских группах языков данный принцип строится как раз в обратном порядке, т.е. по принципу перехода от наибольшего объекта к самому наименьшему. Возьмем в качестве примера выше взятое предложение, но на монгольском языке, монг. «*Монгол Улсын Баянхонгор аймгийн Богд сумын 2-р бригадын малчин*», в предложении в котором, как мы видим словоформа «Монгол» является самым наибольшим объектом по отношению к слову «малчин». Или же возьмем, например: русс. «1-ое сентября 2004 года», и то же самое на монгольском языке, монг. «*2004 оны 9- сарын 1-ний өдөр*», то мы чётко сможем проследить выше сказанные не схожие между собой принципы перехода. Вообще данный закон перехода постоянен на всех ярусах языка обеих групп.

Поэтому, говорить на каком-либо языке это, значит, выражать свою мысленную картину о вещах или явлениях, создаваемых в сознании человека, не искажая тот процесс и порядок мышления, передаваемый этим конкретным языком. Поэтому при объяснении числа в монгольском языке (или вообще о каком-либо языке) нельзя упускать специфику мышления носителя данного языка. Другими словами, объяснять формой слова, которые нам видны это всего лишь объяснение с внешней стороны, которая не дает исследователю полноценной картины. Это то же самое, что человек выбирает любой вид орудия труда для достижения своих целей. Подобно этому для выражения числа в монгольском языке употребляются те формы, которые могут содержать при себе и воссоздать ту мысленную картину о числе, которая создается в сознании носителя этого языка. А в русском языке, как мы знаем, число зрительно узнается. Из внешней формы слова видно, стоит ли оно в единственном или во множественном числе. Иными словами и форма, и мысль о единственности и множественности понимается синхронно, то есть форма слова сразу показывает мысленную картину сознания. Например, монг. *хүн, шувуу, хонь, мод, цэцэг*; рус. человек, птица, овца, дерево, цветок. На первый взгляд, как будто бы все понятно и правильно, но если сравнить эти словоформы обоих языков, тогда выявляется неточность или вернее расхождение этих языков. В русском языке слова человек, птица, овца, дерево, цветок все стоят в единственном числе и выражают только один из этих предметов. А в монгольском языке эти слова стоят в форме, где содержатся и единичность, и множественность. Если быть более точным, то множественность включает в себе единичность. Поэтому словоформа *хүн* заключает в себе понятие о неопределенной множественности, но при этом выражает и единственное число. Иными словами под словом *хүн* подразумеваются все ему подобные. С этой стороны число в монгольском языке абстрагируется и уточняется в том случае, когда этого требует ситуация. Иначе говоря, ситуация конкретизирует тип множественности. Вне ситуации, оформляющейся в предложении, отдельно взятые слова в монгольском языке указывают обычно на неопределенную множественность (примеры см. выше).

В той же форме, но уже в составе предложения слова *хүн, шувуу, хонь* и т.д. могут указывать число, например: монг. *хүн ирлээ* 'человек пришел', но *хүмүүс ирлээ* 'пришли люди'; монг. *модон дээр шувуу суув* 'на дерево села птица', но *модон дээр шувууд суув* 'на дерево сели птицы' и т.д. В связи с этим примером здесь можно проследить очень интересную картину о числе в монгольском языке. Например: монг. *Галуу шувуу дулаан оронд буцаж, өвөл хаяанд*

ирлээ 'Гуси улетели в теплые страны, и зима пришла на порог'. В этом примере, как нам видно, слово *галуу* стоит в единственном числе, но подразумевает множественность. Так как из контекста понятно, что не один гусь летит. Тогда как в предложении *Шувууд буцах цаг болжээ* 'Наступило время отлета перелетных птиц' слово *шувуу(д)* стоит во множественном числе, где количественно отличается от слова *галуу* в первом предложении. В первом предложении, как видим, речь идет об определенном виде птицы, а именно о гусе, а число все равно подразумевается во множественном (точнее в неопределенно-множественном) числе, хотя само слово, как нами было отмечено, стоит в форме единственного числа. А что касается второго предложения, то здесь речь идет обо всех видах птиц, которые улетают в теплые края, а в свою очередь эти же виды птицы по отдельности будут стоять в форме единственного числа, если будут взяты по отдельности. Иными словами предложение *Шувууд буцах цаг болжээ* можно интерпретировать следующим образом *Галуу, хун шувуу буцах цаг болжээ*. Или, например, в предложении *Төр улсыг хамгаалах цэрэг Хүрээнд нэвтрэн орж ирэв* 'Войско, которое будет защищать государство, зашло в Ургу', где *цэрэг* не обязательно оформляется множественностью, ибо из контекста ясно, что оно указывает на неопределенную множественность. Но, с другой стороны, это не значит, что в монгольском языке вообще не приемлемо или не употребим, или считать, что в монгольском языке не существует понятие о множественности. Язык каждого народа имеет свои нормы, которые и создают систему данного языка. Почему младенец учится правильно говорить и излагать свои мысли на родном языке, хотя этому его специально не учат?! Потому что привыкает к системе или норме языка, на котором общаются окружающие. Значит любая нарушенная система то ли языка или система вообще (в самом широком смысле этого слова) приведет к грубому искажению общепринятых и сложившихся в процессе исторической эволюции языковых норм.

С этой стороны само обстоятельство требует нас заново пересмотреть грамматику монгольского языка уже со стороны самого монгольского языка (о фонетике, понятии числе, частей речи), а не через призму грамматики другого языков.

Если язык, это отражение мышления, мировоззрения носителя данного языка или же в языке заложено мышление носителя определенного языка, то сказанное нами выше, а именно своеобразная способность России быть и Востоком и Западом отражается и в самом русском языке. Значит, эта тема должна изучаться и ждет своих исследователей.

Список использованных литератур

1. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2001.
2. Гумилёв Л.Н. От Руси до России. М., 2001.
3. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001.
4. Дашцэдэн.Т Орчин цагийн монгол хэлний нэрийн тоо. (Эрдэм шинжилгээний бүтээл) УБ., 1981.
5. Русский узел Евразийства (Восток в русской мысли). Сборник трудов евразийцев. РАН. М., 1997.
6. Лувсанжав Чой. Сопоставительный анализ морфологической структуры слова в монгольском и английском языках. М., 1971.
7. Ринчен Б. Монгол бичгийн хэлний зүй. Дэд дэвтэр. (Авиан зүй) УБ., 1966.
8. Төмөртоого Д. Монгол хэлний түүхэн хэлзүй. УБ., 1995.
9. Оюун түлхүүр нэрт шастир. Эхийг харьцуулан, кирилл үсэгт хөрвүүлж, тайлбар хийсэн Ш.Чоймаа. УБ., 2002.
10. Шагдарсүрэн Ц. Орчин цагийн монгол хэлний сурах бичиг. УБ., 1999.

